

ИГОРЬ ДОЛГОПОЛОВ

ОТ РЕНЕССАНСА ДО БАРОККО

Издательство АСТ
Москва

УДК 75.071.1
ББК 85.143(0)
Д64

Дизайн серии *Григория Калугина*

В настоящем издании в качестве иллюстрированных цитат к текстовому материалу используются фоторепродукции произведений искусства, находящихся в общественном достоянии, и изображения из коллекций Bibliothèque nationale de France, Nasjonalbiblioteket, The Library of Congress.

В оформлении переплета использована картина
Леонардо да Винчи «Мона Лиза»

Издательство благодарит за помощь в подготовке издания
Татьяну Алексееву

Долгополов, Игорь Викторович
Д64 От Ренессанса до Барокко / Игорь Долгополов. —
Москва : Издательство АСТ, 2024. — 256 с. : ил. — (Мастера
и шедевры).

ISBN 978-5-17-155644-0

Перед вами — книга знаменитого цикла «Мастера и шедевры» заслуженного деятеля искусств РСФСР, писателя, просветителя, главного художника журнала «Огонёк» Игоря Долгополова о выдающихся мастерах изобразительного искусства.

Благородный Ренессанс, вернувший человечеству античные идеалы, и изысканное, эмоциональное барокко открыли миру удивительных художников, настоящих гениев живописи.

В настоящей книге читатель встретится с бессмертными творениями Сандро Боттичелли, Леонардо да Винчи, Микеланджело Буонарроти, Рафаэля Санти, Эль Греко, Питера Пауля Рубенса, Рембрандта ван Рейна, Яна Вермеера Делфтского, Томаса Гейнсборо, Франсиско Гойи. Пройдет по страницам их жизни, почувствует их гений и откроет заново блистательные произведения живописи.

УДК 75.071.1
ББК 85.143(0)

ISBN 978-5-17-155644-0

© Долгополов И.В., наследник, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

· САНДРО БОТТИЧЕЛЛИ ·

7

· ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ ·

29

· МИКЕЛАНДЖЕЛО БУОНАРРОТИ ·

65

· РАФАЭЛЬ САНТИ ·

91

· ЭЛЬ ГРЕКО ·

125

· ПИТЕР ПАУЛЬ РУБЕНС ·

147

· РЕМБРАНДТ ВАН РЕЙН ·

183

· ЯН ВЕРМЕЕР ДЕЛФТСКИЙ ·

199

· ТОМАС ГЕЙНСБОРО ·

221

· ФРАНСИСКО ГОЙЯ ·

237

· *Сандро Боттичелли* ·

Поклонение волхвов

1475. Галерея Уффици, Флоренция. *Фрагмент*

САНДРО БОТТИЧЕЛЛИ

З

вонко поют колокола славной Флоренции. Их веселый гуд несется над зелеными волнами Арно, старым мостом Понте Веккио, морем черепичных крыш, островерхими шпилями Санта Мария Новелла, Санто Спирито, Санта-Кроче туда, наверх, на холм Сан-Миньято. Отсюда, словно с птичьего полета, видна древняя столица Тосканы, подернутая прозрачной голубоватой дымкой. Перед взором открывается неповторимая панорама, которую венчает огромный купол собора Санта-Мария дель Фьоре. Гудят, гудят колокола Фьоренцы, и радость охватывает душу, когда, будто гонимый лучами утреннего солнца, вместе с сотнями людей, толпящимися по узким улочкам города, вдруг оказываешься в самом центре — на пьядца Синьории. Здесь, как во сне, предстают юный гигант — «Давид» Микеланджело, ваяния Верроккио, Донателло, Челлини, гордая, неприступная башня палаццо Веккио. Открываются ворота галереи Уффици, и среди других шедевров мирового искусства — картины Боттичелли и Леонардо, великих флорентийцев. Влекущий и дивный мир итальянского Ренессанса переполняет и чарует сердце. Когда к вечеру бредешь усталый по гулким плитам пьядца Синьории, внезапно замечаешь под ногами будто вбитый в мостовую металлический диск. Что это? Здесь на костре был сожжен Савонарола. Вмиг окружающий идилический мир обретает иную, неоднозначную плоть. Словно разбуженный, тут же вспоминаешь сложное, порою страшное время, когда были созданы многие, многие непреходящие ценности мировой культуры. Будто другое, беспощадное солнце озаряет суровый фасад палаццо Веккио, и становятся заметны странные деревянные балки, торчащие из окон. Что это? На них вешали казненных заговорщиков и иных злодеев. Для устрашения и нравовучения.

В 1445 году во Флоренции «родился Алессандро, прозванный Сандро, от Мариано ди Ванни ди Амедео Филлипени и жены его Смеральды». Знали ли достопочтен-

ный флорентийский дубильщик кожи и его супруга, что у них в доме на Новой улице, в квартале Санта Мария Новелла, растет не просто их сын Сандро — странный и непокорный мальш, а юное существо, пребывающее в своем особом мире, куда не было входа никому? Что все щелчки, пинки, нравоучения и угрозы, которые были обращены к мальчишке, совершенно не задевали его крошечное, но гордое сердце, в котором приютилась неведомая красота?

Юный Боттичелли заглядывался на звездную россыпь Млечного Пути и запоминал навсегда теплые розовые блики утренней зари, мелькнувшие на склоненном над ним лице матери. Глаз Сандро с пронзительной остротой ощущал трепетную хрупкость серебристых паутинок и строгую четкость взметнувшихся в небо черных кипарисов и пиний. Он грезил, фантазировал, но всегда зорко всматривался в окружающий его дивный мир. Он прилежно наблюдал, как переплетались линии ветвей и белые силуэты античных статуй, как диковинно преображались под дуновением ветра формы облаков, плывущих по реке, пристально следил за причудливыми тенями, бежавшими за фигурами девушек. Прислушивался к пению птиц и шепоту сада.

Однажды Алессандро принес домой ветку цветущей черешни и заснул, обняв ее душистые побеги. Словом, он был мальчик необыкновенный.

Но ведь никто не знал еще одного секрета Сандро. Совсем рядышком с домом стояла церковь Санта Мария Новелла. Мальш частенько, пока его сверстники играли в мяч или купались в Арно, втихомолку проникал в темные прохладные ее приделы, подолгу рассматривая фреску Мазаччо. Он, конечно, не знал тогда ни имени художника и, наверное, не понимал сюжета росписи, но и у него в памяти осталось прекрасное, загадочное искусство. Когда он подрос, то стал уходить подальше от родительского гнезда, бродил и глядел, глядел на фрески, статуи, прекрасные храмы Флоренции. Так он постигал душу своего города. Он все чаще вглядывался в лица людей и мучительно думал, как ему высказать все то, что накопилось на сердце. Случай помог ему.

Джорджо Вазари — биограф знаменитых итальянских художников — рассказывает, что отец юного Боттичелли, «которому надоела эта взбалмошная голова, отдал его, отчаявшись, обучаться ювелирному делу у своего кума, прозванного Боттичелли». Как известно, Вазари был великий путаник и никакого кума нигде обнаружить не удалось. Однако суть была не в этом. Сандро на первых порах томился и изнывал, когда наставник показывал ему, как взвешивать металл, или

заставлял готовить инструмент к работе. Затем по ходу дела юноша стал рисовать... Но главное случилось позже. Как-то с утра Сандро нашел в стенном шкафу мастерской краски и кисти. Баночки с темперой стояли на пыльной полке, кисти валялись в углу. И когда Алессандро робко провел свою первую линию краской по чистому листу бумаги, он вмиг понял, что обрел свое счастье.

Надо же было случиться, что Боттичелли, уже выполнив много прекрасных работ и завоевав известность во Флоренции как мастер первой руки, вдруг, по словам Вазари, «получил заказ на небольшую дощечку с фигурами, всего в три четверти локтя каждая, которая была помещена в церкви Санта Мария Новелла...» (Вспомните мальчика Сандро, бегавшего туда любоваться фреской Мазаччо.) Наконец Боттичелли представился случай украсить соседний с его родным домом храм. И вот перед нами картина «Поклонение волхвов». Это произведение окончено около 1478 года и принесло широкую славу живописцу. Нельзя не заметить схожесть коленапреклоненной фигуры Козимо Медичи и персонажа фрески Мазаччо.

Но вернемся, однако, к библейской легенде. Итак, Сандро не без влияния заказчиков изобразил в роли волхвов и других гостей могущественных представителей рода Медичи, живых и усопших: Козимо, Пьеро, Джованни, Джулиано и, конечно, самого Лоренцо, прозванного Великолепным. Их окружают родичи, друзья — поэты, философы, ученые. Себя живописец поставил в стороне. Он словно отвернулся от происходящего действия. В сей отстраненности удивительная черта характера Боттичелли, весьма самостоятельного и склонного к глубокому анализу бытия. Он был поистине человеком эпохи Ренессанса. Это и о нем написал Пико дела Мирандола: «Я ставлю тебя в центр мира, чтобы оттуда тебе было удобно обозреть все, что есть в мире». И Сандро Боттичелли всю жизнь гордо и самоотреченно следовал данному завету.

Испытующе, немного грустно глядят на нас из пятисотлетнего далека прозрачные, светлые глаза Сандро. Непокорные волнистые пряди волос скрывают невысокий чистый лоб. Напряженно вздеты брови. Набухли тяжелые веки, приподнялись ресницы и открыли строгий и пристальный взор. Художник будто всматривается в будущее и пытается прочесть судьбу каждого из изображенных своих современников. И эта мучительная работа мысли придала особую значительность и духовность выражению его лица. Он будто предчувствует неотвратимую десницу рока, простершуюся над Медичи —

сегодняшними владыками Флоренции. Он пишет их блистательными и всеильными. Но взгляните на Джулиано, и вас потрясет интуиция художника, будто предчувствовавшего скорую трагическую гибель этого молодого человека.

А пока на картине «Поклонение волхвов» лицедействуют, суетятся поэты, рассуждают философы.

Странные багровые тени метались по мощной каменной кладке стен. Бронзовые светильники то вспыхивали, то гасли. Их трепетное пламя мерцало на узорчатых старых щитах, массивных зазубренных мечах, острых позолоченных копьях, украшавших зал. Алые блики озаряли серые, усталые, помятые лица гостей. Огонь факелов сверкал в драгоценных рубинах, изумрудах, алмазах, рассыпанных обильно по платьям и прическам дам. Близился рассвет. Его робкое сияние проникало сквозь зашторенные окна. Синие холодные искры приближающегося утра играли в тонких гранях богатой посуды. За тяжелыми роскошными драпировками, за коваными решетками где-то прорывая черный заслон пиний и мирт, брезжила заря. В зале было душно. Неясный говор, нежный шепот, невнятный лепет струн, приглушенный хохоток, звон бокалов... Во главе овального стола сидел Лоренцо Медичи. Его нервное некрасивое лицо с крупным носом, квадратным подбородком было задумчиво. Пухлый чувственный рот болезненно кривился. Вдруг тонкие, будто нарисованные, брови поднялись, упрямый лоб наморщился. Лоренцо положил крепкую узловатую руку на плечо соседа и сказал: «Анджело, прочти строки из стансов о джостре. Ты видишь, как тоскует Джулиано?» Поэт опустил глаза. Но это было минутное раздумье. Он приподнялся, вытянул руку — зазвездились перстни. Наступила тишина. Анджело раскрыл рот, и... вместо стихов гости внезапно услышали стон. Поэт разрыдался. «Не могу, — прошептал Полициано, — я вспомнил Симонетту». «Читай!» — резко вскрикнул Лоренцо Великолепный.

Первые голубые лучи рассвета выхватили из пурпурных сумерек мокрое от слез лицо поэта:

Она бела и в белое одета;
 Убор на ней цветами и травой
 Расписан; кудри золотого цвета
 Чело венчают робкою волной.
 Улыбка леса — добрая примета:
 Никто, ничто ей не грозит бедой.
 В ней кротость величаява царницы,
 Но гром затихнет, вскинь она ресницы.

· *Сандро Боттичелли* ·

Весна

1482. Галерея Уффици, Флоренция

ПолицIANO оборвал строку. Миг царило безмолвие. Казалось, колыхнулись занавеси и вместе с лучами зари к живым влетела душа Симонетты Веспуччи... Высокий стройный Джулиано Медичи со смоляной гривой волос, обрамлявших чеканное, словно литое из бронзы лицо, подошел к стихотворцу и нежно обнял его. «Ты сделал невозможное, — проговорил Джулиано, — твои стихи заставили жить среди нас несравненную Симонетту».

Боттичелли задумался. Он стоял в тени глубокой ниши. Художник тяжело переносил ночные дворцовые пиры, хотя любил застолье. Но вот здесь, на вилле Каstellо, он устал от шума, назойливых громких тостов, лести, криводушия — всего того, что сопровождает жизнь любого княжеского двора. Сын кожевника, Сандро отлично чувствовал, что здесь он чужой. Но самое неприятное было то, что живописец слишком остро видел. Иногда ему становилось не по себе от этой беззащитной открытости для его проникающего взора чужих тщательно скрываемых мыслей и желаний. Представьте, сколько наблюдал он зловещих задумок, маскируемых ловкой сладкой улыбкой!

· Сандро Боттичелли ·

Весна

1482. Галерея Уффици, Флоренция. *Фрагмент*

Стихи Анджеоло Полициано он слушал далеко не первый раз. Ведь со времени знаменитой джостры — турнира, где победил сиятельный Джулиано, — прошло уже несколько лет. Но Боттичелли не только отлично видел, но и так же все помнил... Да и как можно было забыть великолепный праздник и красавца в ослепительном наряде из серебряной парчи, изукрашенном жемчугом, «принца юности» Джулиано Медичи, и рядом с ним «даму сердца», неповторимую его возлюбленную Симонетту Веспуччи? Не было ничего прекрасней этой пары. Казалось, жить бы им и радоваться. Судьба же решила по-своему. Загадочно, нелепо. Вскоре Симонетта умирает.

Итак, близилось утро. Боттичелли ждала картина, которую он начал и задумал назвать «Весна». Мастерская на Новой улице заждалась хозяина. «Нет, надо бежать», — подумал Сандро и через миг был в парке, окружавшем виллу.

Купол еще сумеречного майского неба опирался на темные башни кипарисов. Над самым горизонтом лучистая звезда встречала зарю. Роса сверкала на листьях, стеблях травы, рассыпалась миллионами искр. Боттичелли брел вдоль зеленых аллей, мимо уютных беседок, тенистых гротов. Его встречали белые мраморные призраки античных богов. Журчали фонтаны. Глубокий покой царил в природе. Тишина, казалось, объела всю землю, и Сандро подумал, что минувшая ночь ему приснилась.

Внезапно перед глазами предстала молодая черешня. Прелестная, как невеста. «Она бела и в белое одета», — вспомнились стихи Полициано. Рассвет набирал силу, и в лучах солнца мнилось, что каждый цветок дерева словно повернулся к художнику. Боттичелли подошел ближе к черешне и робко прикоснулся к ее юному стволу.

Алессандро вдруг вспомнил детство и то, как он, мальчишка, сладко заснул, прижавшись к цветущей ветке. Дрожащая ладонь приникла к прохладной коре. Сандро ощутил, что какая-то дивная сила проникает в него. Художнику почувствовалось, будто он рождается вновь. Боттичелли чувствовал — или это ему снилось? — что молодые соки дерева струятся по его жилам.

Последнее, что запомнил Боттичелли, когда уходил домой, был хоровод белых черешен. Они медленно, очень медленно вели свой колдовской танец на фоне темной бархатной занавеси из кипарисов, мирт, пиний.

Восторг переполнил душу Сандро...

И снова наступила весна. Пронзительно запели дрозды. Зацвели сады Фьоренцы. На бледных лицах девушек выступили веснушки. Быстрее побежали вспененные воды Арно. И вновь озорные мальчишки гоняли по узеньким улицам столицы Тосканы свой немудреный тряпичный мяч. Воздух гудел от радостного перезвона колоколов.

Боттичелли заперся в мастерской. Не отвечал на стук в дверь, на записки друзей. Приходил работать вместе с зарей. Уходил затемно. Большая картина стояла на двух мольбертах. Она была тяжела, очень тяжела, эта загрунтованная доска. Но не менее тяжел был труд живописца, ликующий и горький. Ведь ничто не давалось легко. Об этом говорили кипы набросков, эскизов, рисунков, валявшихся на полу, приколотых к стенам. Подоконник студии был тесно уставлен чашками с темперой. На маленьком столике, укра-

шенном мозаикой, в древней античной амфоре стояла хрупкая ветка черешни. Палитра Сандро была похожа на створку раковины-жемчужницы, так сиял перламутр красок на ее поверхности.

Художник писал «Весну». Он будто вспоминал все. Свое детство и фрески Мазаччо. Славного Фра Филиппо Липпи — первого учителя. Дивные ясные глаза Леонардо да Винчи, с которым подружился в боттеге Андреа Верроккио. Он мысленно бродил по тенистым паркам и любовался мраморными изваяниями Эллады. В его памяти вставали плодоносные долины, цветущие холмы Тосканы, танцы женщин, звуки лютни, вечерние песни, строгие линии стремительной кампанилы Джотто. Он глядел, глядел на белую ветку черешни в амфоре и вспоминал прекрасную Симонетту Веспуччи, джостру, Джулиано... Чудесный знакомый и таинственный мир претворялся у него в сердце. Но это стоило дорого. Боттичелли осунулся, похудел, скулы заострились. Морщины от напряжения и раздумий легли у надбровий, прочертили жестче углы сжатых губ. Сандро не брился, у него выросла борода. Лицо стало темным, будто опаленным. Только глаза, светлые диковатые глаза мастера сияли восторженно. Он любил. Любил неистово, страстно, неутолимо свою картину. Свою «Весну». Все его помыслы, мечты были устремлены к одному желанию — как донести, не расплескать чувства, показать людям во всей прелести чудотворение природы.

Пришел апрель 1478 года. По городу ползли недобрые слухи. Кто-то мутил народ. Старинная гордая семья Пацци плела паутину заговора. Не без помощи Ватикана, которому, как и им, надоела слава дома Медичи. Она мешала многим делам. И вот Пацци решили покончить с Лоренцо и Джулиано Медичи. Убить их. Ночные сборища на роскошных виллах и в богатейших дворцах становились все более шумными и зловещими. «Надо спешить, — кричал Франческо Пацци, — время не ждет!» Наконец было принято решение. В воскресенье, во время службы в соборе Санта-Репарата, братья Медичи будут заколоты.

Страшны страницы летописи тех дней. Даже мудрейший и опытнейший Никколо Макиавелли в своей «Истории Флоренции» содрогается от той меры коварства и лживости, которая позволила заговорщикам провожать молодого Джулиано в храм и забавлять его шутками, не забывая при этом «под предлогом дружеских объятий ощупать все его тело, чтобы убедиться, нет ли на нем кирасы». Главари заговора продолжали разыгрывать эту жуткую комедию предательства там,

· *Сандро Боттичелли* ·

Весна

1482. Галерея Уффици, Флоренция. *Фрагмент*

в церкви, окружая Лоренцо и Джулиано лицемерным оживлением и лестью. Притворство заглушило бдительность. Джулиано пал под ударами кинжалов. Лоренцо удалось спастись.

Наступила быстрая расплата. Пацци и их сообщники в ужасе бежали, но часть была схвачена.

«По всему городу, — пишет Макиавелли, — повсюду можно было видеть растерзанные тела убитых, которые несли насаженными на копья либо волокли по улицам...» Других заговорщиков обнаружили позднее. Судили и публично казнили.

Но это событие носило еще «мистический» характер. Флоренция содрогнулась от таинственной встречи двух дат —